

ОТ ДРЕВНЕЙ РУСИ ДО РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

ИЗ ИСТОРИИ ЗАРОЖДЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIII–XVI ВЕКОВ)

Петр ДМИТРАЧКОВ,
кандидат
исторических наук,
профессор

Окончание.

Начало в № 7 за 2008 год

Очевидно, в ВКЛ сложилась и существовала довольно широкая и развитая система органов власти и управления, позволявшая всем его землям, в том числе и белорусским, принимать участие в решении как общегосударственных, так и местных дел. Безусловно, эта система обеспечивала прежде всего интересы феодалов, шляхты. Однако государственно-политический строй ВКЛ нельзя свести только к всевластию шляхты. Многие современные исследователи считают, что он имел более широкую социальную основу, а шляхетская демократия, которая складывалась и развивалась в ВКЛ (при всех ее издержках и недостатках), давала возможность избежать крайних форм авторитаризма и бесправия, приобщала к гражданской и политической деятельности все феодальные сословия, и не только аристократические, позволяла учитывать мнение меньшинства, «ощутить вкус свободы и человеческого достоинства» [3, с. 54].

В значительной степени этому способствовало и то обстоятельство, что в ВКЛ все основные вопросы государственной жизни стремились регулировать законодательными, правовыми актами. Так, даже в начальный период, когда формировалось княжество, каждая из его земель руководствовалась не только обычным, но и писаным правом и, в частности, «Русской Правдой» и местными уставными грамотами. Когда же сложилось государство, в качестве правовых актов стали действовать великокняжеские грамоты (привилеи), как общеземские, так и областные и волостные. В

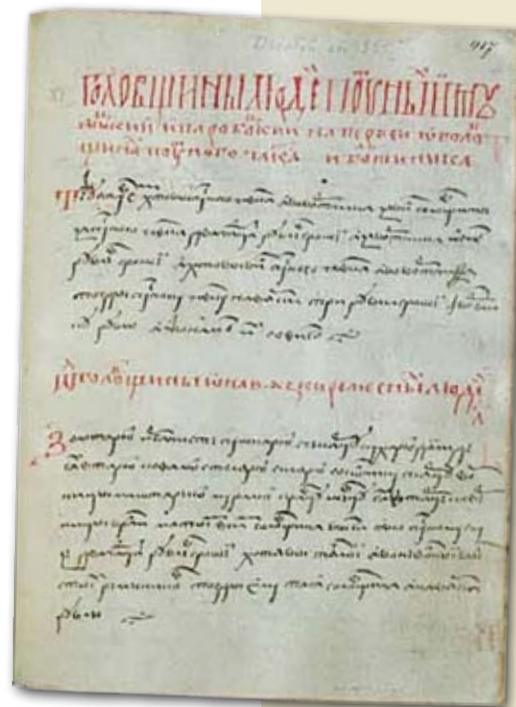
числе областных особо надо выделить грамоты Витебской земле – 1503, 1509 и 1561 годов; Полоцкой – 1511, 1547, 1580 годов; Смоленской – 1505 года; Дрогичинской – 1511, 1547 годов; грамоты Бельскому повету – 1501 и 1547 годов; Мстиславскому повету – 1501 года. Со всем недавно была обнаружена и еще одна грамота (привилей) – Новгородской земле, изданная великим князем Казимиром 22 июля 1440 года. Все они имели характер законодательных актов и не только закрепляли автономное положение многих белорусских земель в составе ВКЛ, но и обеспечивали охрану имущественных и личных прав жителей этих земель независимо от их сословной принадлежности.

Интересы жителей всех земель ВКЛ, в том числе и белорусских, учитывались и в общеземских привилеях, но в них на первый план выходили нормы, касавшиеся прав шляхты, ее положения в обществе и государстве. Первым таким привилеем считается грамота, изданная великим князем литовским и королем польским Ягайлом в 1387 году после Кревской унии, политически связавшей ВКЛ с Польшей. Эта грамота, по мнению историков, стала фундаментом шляхетских прав, получивших развитие в последующих актах, изданных в XV – начале XVI веков. Не останавливаясь на содержании этих актов, отметим, что в их нормах также находили отражение местные правовые обычаи. Есть основание утверждать, что местное обычное право учитывалось и в дальнейшей кодификационной деятельности и стало одним из источников общегосударственных сводов законов, которыми являлись Судебник 1468 года и Статуты

ВКЛ 1529, 1566 и 1588 годов. Правда, некоторые польские ученые еще в XIX веке пытались принизить правовую культуру восточнославянских, в том числе и белорусских земель, недооценивали роль местного права в развитии законодательства ВКЛ, считали, что оно базировалось на римском праве. Но эти ошибочные суждения не получили поддержки и были подвергнуты критике самими же польскими исследователями, и в частности С. Линде и И. Раковецким, учеными-правоведами Виленского университета И. Даниловичем, Ю. Ярошевичем, многими российскими и белорусскими учеными. Проанализировав законодательные акты, изданные в ВКЛ, они пришли к выводу, что в их основе лежало местное право. «Тагачасная Літва, – писал И. Данилович [он имел в виду ВКЛ. – Авт.], – кіравалася рускімі звычаямі і паданнямі» [цит. по: 2, с. 122]. Более того, сами эти законодательные акты отразили достижения правовой мысли Беларуси, те идеи, которые были высказаны и обоснованы в работах Ф. Скорины, С. Будного, М. Литвина, А. Волана, других мыслителей. Не исключено участие выходцев из белорусских земель и в разработке законодательства ВКЛ. Это касается, в частности, Ф. Скорины: он мог быть привлечен к составлению Статута 1529 года. Во всяком случае, есть очень много общего между правовыми взглядами Ф. Скорины и положениями Статута, на что обратил внимание известный белорусский ученый В. Конон. Он писал, что «па сваёй структуры Статут 1529 г. адпавядае класіфікацыі законаў, распрацаваных Ф. Скарынам у 1519 г.» [4, с. 94]. Это мнение разделял и белорусский историк-правовед И. Юхо. Статуты ВКЛ стали результатом кропотливой и довольно длительной кодификационной работы, осуществленной высокообразованными в политическом и правовом смысле государственными деятелями ВКЛ, выходцами как из балтских, так и из восточнославянских земель княжества. Так, первый Статут

ВКЛ проходил кодификацию с 1522 до 1529 года, это значит почти семь лет. Второй Статут кодифицировался почти 15 лет, а третий Статут ВКЛ начали кодифицировать, по сути, сразу же после Люблинской унии 1569 года, то есть его подготовка продолжалась почти 20 лет. Этот Статут разрабатывали сотрудники канцелярии великого князя под руководством канцлера Николая Радзивилла Рыжего и его преемника Евстафия Воловича и подканцлеров Криштофа Радзивилла и Льва Сапегы, который окончил эту работу, отредактировал Статут, написал к нему предисловие и организовал издание [подробнее см.: 5, с. 94]. Многие исследователи отмечали, что Статут ВКЛ 1588 года – важнейший исторический документ того времени, свидетельствующий о высокой правовой культуре тогдашнего общества. Он, по сути, являлся первым всесторонне разработанным кодексом феодального права в Восточной Европе, своеобразным конституционным документом, регулировавшим все стороны жизни ВКЛ, а значит, и белорусских земель. Созданный на белорусском языке и утвержденный соймом, Статут включал нормы всех отраслей права и в течение долгого времени служил основным источником этого права, на которое опирались государственные и судебные органы. Таким образом, с образованием ВКЛ резкого разрыва в развитии на белорусских землях государственности, зародившейся в средневековый период, не произошло. Эта государственность не только сохранила свои основные черты,

Лист Статута ВКЛ 1529 года

Заседание Сойма Речи Посполитой. Гравюра 1570 года

ЛИТЕРАТУРА

1. Бардах, Ю. Дачыненні паміж католікамі і праваслаўнымі ў Вялікім Княстве Літоўскім (канец XIV–XVII ст.) // Беларускі гістарычны агляд. Том 1. Сш. 1 (лістапад 1994). – Мн., 1994.
2. Вішнеўская, І.У. Гісторыя палітычнай і прававой думкі Беларусі. – Мн., 2004.
3. Голенченко, Г. «Шляхетская демократія» в Великом княжестве Литовском XVI–XVIII вв. // Беларусь и Россия: общество и государство. – Вып. 2. – Мн., 1998.
4. Конан, В.М. Гуманистические истоки Статута Великого княжества Литовского 1529 г. // Первый Литовский Статут 1529 г. – Вильнюс, 1982.

но и обогащалась в общем политическом организме Великого княжества Литовского, открывая возможность представителям белорусских земель участвовать в осуществлении власти. Безусловно, эта возможность определялась социальным положением различных групп населения. Реальный доступ к власти и управлению, как и во всех европейских странах, имели тогда господствовавшие феодальные сословия, и в частности магнаты и шляхта. Именно они составили политический народ княжества, в руках которого оказались и главное средство производства того времени – земля, и государственная власть.

Но этот народ представляла не только литовская элита, оказавшаяся в окружении великого князя, на основных государственных должностях. В него входила и шляхта белорусских земель, в том числе и православные князья, и бояре. Нет оснований преувеличивать (как это делают некоторые историки) конфессиональные противоречия и религиозные ограничения, существовавшие в ВКЛ. Этим ограничениям действительно способствовали правовые акты, изданные в конце XIV – начале XV веков после Кревской унии (привилей Ягайлы 1387 года и Городельский

привилей 1413 года) и предоставившие преимущества католикам. Но события, развернувшиеся в ВКЛ в 30-е годы XV века, когда здесь вспыхнула настоящая гражданская война, а затем восстание М. Глинского в начале XVI века заставили верховную власть ликвидировать дискриминационные меры в отношении православных.

Это прослеживается уже в привилеях 1432 и 1434 годов и, особенно, в привилее 1563 года, отменившем все формальные ограничения, касавшиеся политических прав православных князей и бояр. Многие историки указывали, что уже во время правления Казимира Ягайловича (1440–1492) между верующими обеих конфессий, католической и православной, было налажено определенное согласие, которому способствовала и политика преемников Казимира великих князей литовских Александра (правил в 1492–1506 годах), Сигизмунда I (1506–1530) и Сигизмунда II Августа (1530–1572). Религиозная политика тогда не только была толерантной, но и способствовала укреплению позиций православной церкви в Великом княжестве, ранее заметно подорванных. Эта политика нашла отражение в Статутах ВКЛ, других правовых документах. Так, в 1499 году Александр подтвердил «Свисток Ярослава», содержащий вольности и юридические прерогативы православной церкви. В первом Статуте, изданном в 1529 году, Сигизмунд I подтвердил все права и привилегии «церковные как латинского, так и греческого обряда». Равноправие обеих конфессий подтвердил и второй литовский Статут 1566 года. Он был разработан комиссией, в которую входили представители обеих церквей: пять католиков и пять православных. Такие подходы к конфессиям нашли отражение и в привилее 1563 года, который, как уже отмечалось, юридически уравнял права католиков и православных ВКЛ. «Гэты дакумэнт, – отмечал польский историк Ю. Бардах, – паказьнік рэлігійных і адначасова нацыянальных дачыненняў у Вялікім Княстве за

апошніх Ягайлавічаў» [1, с. 281]. Проявлением религиозной веротерпимости стало принятие Варшавской конфедерацией в 1573 году специального акта. Он был поддержан и в княжестве, под этим актом поставили печати 206 аристократов Великого княжества из числа католиков, православных и протестантов. Акт Варшавской конфедерации о веротерпимости был подтвержден соймом в Вильно, созванным после смерти короля Стефана Батория в 1587 году, и позднее дословно введен в III Статут ВКЛ. В нем записано (перевод на современный белорусский язык): «Паколькі ў гаспадарстве існуюць немалыя адрозненні ў стаўленні да хрысціянскай веры, то мы, імкнучыся папярэдзіць розныя шкодныя сутыкненні між людзьмі на гэтай глебе, якія назіраюцца ў іншых каралеўствах, абяцаем, прысягаючы вераю і сумленнем за сябе і нашчадкаў нашых, што мы, розныя паводле веравызнання, будзем заўжды захоўваць мір між сабою, не праліваць крыві ў цэрквах, не караць адсуджваннем маёмасці, а таксама пазбаўленнем гонару, вязненнем і выгнаннем, не спрыяць у гэтым аніякім уладам і ў такіх справах нікому не дапамагаць, а, наадварот, калі б хто хацеў яе праліваць, бараніць ад гэтага» [6, р. 3, арт. 3].

Поэтому можно согласиться с теми историками, которые считают, что до конца XVI века, до Брестской церковной унии, различие в христианской вере не создавало шляхте белорусских земель особых препятствий для пользования политическими правами. Православную церковь продолжало поддерживать большинство населения, проживавшего на восточнославянских землях ВКЛ, в том числе и шляхта. Церковь действовала в рамках автокефальной митрополии во главе с митрополитом Киевским и всея Руси, хотя по мере распространения католицизма, а затем и униатства ее позиции подрывались.

Важное значение для развития государственности на белорусских землях имели тогда и этнические процессы. Имен-

но в этот период шло формирование белорусской народности, и население княжеств, сложившихся ранее на территории Беларуси, признав власть великих князей литовских, осознавало себя не только «литвинами», но и «русинами», «руськими», а в дальнейшем «белорусцами», «белорусами». Эти названия уже тогда наполнялись этническим содержанием, и ими пользовались православные ВКЛ. Православная церковь на белорусских землях играла консолидирующую роль, способствовала развитию восточнославянских историко-культурных традиций, сохранившихся в ВКЛ.

Не следует упускать из виду и тот факт, что белорусские земли во многом определяли и экономическое развитие ВКЛ, его культуру. Даже официальным государственным языком княжества был русский, то есть старобелорусский язык. Все это дает основания в отношении ВКЛ, оценки его национально-этнического характера использовать термины «белорусско-литовское» или «литовско-белорусское» государство, имея в виду и роль, которую сыграли в его становлении и развитии и другие этносы. Такой оценки ВКЛ придерживаются многие современные исследователи, о чем свидетельствовали дискуссии, прошедшие в конце прошлого – начале нынешнего столетий, а также публикации последних лет*. В значительной мере ВКЛ удалось сохранить этнические черты своей государственности и после объединения с Польшей на основе Люблинской унии 1569 года. ■

* Следует заметить, что белорусский историк Н. Ермолович стремился доказать, что ВКЛ вообще являлось белорусским национальным государством. Последняя его работа так и называлась: «Беларуская дзяржава Вялікае Княства Літоўскае» (Мн., 2000). Однако его точка зрения не закрепились в исторической науке. Более обоснован вывод, что «ўсе народы, якія прымалі ўдзел у палітычным, эканамічным і культурным жыцці Вялікага Княства, а найперш беларускі і літоўскі, з'яўляюцца спадкаемцамі гэтай дзяржавы» [7, с. 422].

5. Лазутка, С. Літоўскія Статуцы (1529, 1566, 1588), іх стваральнікі і эпоха // Край – KRAJ (Polonica – Albaruthenica – Lithuanica): 1–2 (2–3) 2001. – Мн., 2001.
6. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 г. Тэксты. Даведнік. Каментарыі. – Мн., 1989.
7. Энциклапедыя гісторыі Беларусі. – Т. 2. – Мн., 1994.

УТОЧНЕНИЕ

По техническим причинам в первой части материала П.Ф. Дмитрачука «От Древней Руси до Речи Посполитой. Из истории зарождения и развития государственности на белорусских землях (вторая половина XIII–XVI веков)» (Беларуская думка, № 7) на с. 84–85 неверно приведены библиографические ссылки. Сноски в тексте, указанные на этих страницах, относятся к следующим работам: [2] Варонін, В. Палітычны лад Полацкага ваяводства ў першай палове XVI ст. // Беларускі гістарычны агляд. Том 5. Сш. 1(8). – Чэрвень, 1998; [4] Галубовіч, В. Полацкія ваяводы ў XVII стагоддзі // Беларускі гістарычны часопіс. – 2007. – № 11. – С. 37–42; [8] Матарас, В. Органы кіравання ў Вялікім княстве Літоўскім (XIV–XVI стст.) // Беларускі гістарычны часопіс. – 2001. – № 3. – С. 22–27; [9] Мялешка, В.І., Капыскі, З.Ю., Лойка, П.А. Беларусь у канцы XV – сярэдзіне XVI стст. // Скарына і яго эпоха. – Мн., 1990; [10] Смолка, А., Барыс, С. Органы ўлады і кіравання ў Вялікім княстве Літоўскім (XV–XVI стст.) // Беларускі гістарычны часопіс. – 1995. – № 4. – С. 161–175; [13] Юхо, Я.А. Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі. – Мн., 1992; [14] Юхо, И.А. Правовое положение населения Беларуси в XVI в. – Мн., 1978.